

Руженцев Сергей Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры философии и гуманитарной подготовки
Воронежского государственного медицинского
университета имени Н.Н. Бурденко

Смирнов Алексей Валентинович

кандидат политических наук, доцент, доцент
кафедры философии и гуманитарной подготовки
Воронежского государственного медицинского
университета имени Н.Н. Бурденко

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КАК ИММАНЕНТНОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕРЕХОДНОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация:

В статье рассматриваются истоки и природа, причины и особенности конфликтогенного состояния современного российского социума и его политической системы. По мнению авторов, существующее многообразие социальных конфликтов в постсоветской России обусловлено сложным взаимодействием разнонаправленных тенденций развития общества и множеством разнообразных противоречий, которые связаны с переплетением досоветского, советского и либерально-рыночного типов социальных процессов. Подчеркивается, что хроническая конфликтогенность российского общества существенно усугубляется продолжающейся неопределенностью в выборе стратегии развития страны и способов регулирования противоречий, а также очевидной незавершенностью процессов модернизационного реформирования страны, приводящих к перманентно несогласованной работе социальных и политических институтов, слабости регулятивных механизмов, сохраняющей социальной поляризации в обществе, социальной напряженности, стратегической неустойчивости развития экономики. Сформировавшиеся маргинализация и значительная социальная дифференциация общества имманентно воспроизводят основания для социальных и политических противоречий, сохраняя и транслируя в будущее переходный характер всего российского социума.

Ключевые слова:

конфликт, общество, переходность, Россия, власть, противоречие, модернизация, реформы, социальная напряженность.

Ruzhentsev Sergey Evgenievich

PhD in History,
Associate Professor,
Philosophy and Humanities Training Department,
Voronezh State Medical University

Smirnov Aleksey Valentinovich

PhD in Political Science,
Associate Professor,
Philosophy and Humanities Training Department,
Voronezh State Medical University

SOCIAL AND POLITICAL CONFLICT AS AN INHERENT FEATURE OF THE TRANSITIVE RUSSIAN SOCIETY

Summary:

The study deals with the origins and nature, causes and peculiarities of the conflict situation in the modern Russian society and its political system. In the authors' opinion, the diverse social conflicts in the post-Soviet Russia are due to the complex interaction of divergent trends in the society's development and different contradictions that are associated with the intertwining of the pre-Soviet, Soviet and liberal market types of social processes. The research highlights that the persistent conflict-prone nature of the Russian society is considerably aggravated by the ongoing inability to choose the country's development strategy and ways of regulating contradictions. Besides, the situation is obviously exacerbated by the incomplete modernization reforms of the country leading to the permanent lack of collaboration between the social institutions and political ones, the weak regulatory mechanisms, the persistent social polarization in society, the social tension, the strategic fragility of the economic development. As a result, marginalization and the substantial social disparity immanently generate social and political contradictions, keep the transitional nature of the Russian society at large and transmit it to the future.

Keywords:

conflict, society, transitivity, Russia, power, contradiction, modernization, reforms, social tension.

За постсоветские десятилетия в России радикально изменилась не только система общественных отношений, но и весь уклад жизни миллионов людей. За сравнительно короткое по историческим меркам время оказались подорваны традиционные формы организации труда и быта. Страна проходит болезненный и драматичный путь адаптации к новым условиям жизни, не имея устоявшихся традиций рыночных отношений, эффективных механизмов гибкого регулирования товарного производства и соответствующих новым условиям социальных институтов, которые решительно разорвали бы с прошлыми, маргинализируя все структуры общества и власти [1, р. 24, 29, 54–58, 631–636; 2, р. 36–41]. Все это со всей очевидностью позволяет говорить о переходном состоянии российского общества как определяющем признаке современного этапа его развития, требующем обстоятельного анализа.

Переходное состояние общества не является чем-то исключительным, оно присуще многим странам в переломные периоды развития. Однако в современной России оно стало устойчивым, последовательно воспроизводящимся вновь и вновь. При этом переходность усиливает и закрепляет существующие противоречия и конфликты, порождая новые. Конфликтность становится перманентной характеристикой развития страны, мечущейся между противоречиво взаимосвязанными альтернативами модернизации и деградации [3, с. 13–17]. Все это делает проблему переходного состояния общества актуальной для понимания процессов и тенденций развития современной России.

Задача исследования состоит в попытке теоретического осмысления социально-политических конфликтов в контексте переходного состояния российского общества на рубеже XX–XXI столетий.

Феномен переходного общества давно привлекает внимание исследователей. Для характеристики этого феномена Э. Дюркгейм еще в конце XIX в. вводит понятие «аномия», которое выражает состояние общественного сознания в кризисные моменты, переломные периоды развития [4, с. 256–257, 273, 381]. Применительно к постсоветской России концепт переходного общества используют А.С. Ахиезер, С.Н. Гавров, Т.И. Заславская, Л.Ф. Шевцова и др. [5].

В частности, по мнению А.С. Ахиезера, российское общество издавна и по сей день является обществом промежуточной цивилизации, которое исторически уже «вышло за рамки традиционности, но так пока и не смогло перешагнуть границы либеральной цивилизации» [6, с. 12]. Обобщая множество разнообразных социологических исследований российских и зарубежных авторов, Т.И. Заславская подчеркивает, что в российском обществе и сегодня современные черты противоречиво сочетаются с традиционными, причем «трудно сказать, какие из них доминируют» [7, с. 88]. Именно поэтому, как отмечает С.Н. Гавров, нынешняя Россия уже не первое десятилетие продолжает балансировать в области пересечения имперских и либеральных модернизационных тенденций [8, с. 266–267].

В нашем понимании переходность означает существенно затянувшееся состояние незавершенности и неукорененности процессов общественной трансформации, с одной стороны, и неустойчивое сочетание сразу нескольких разнородных моделей потенциального развития социума – с другой. Иначе говоря, переходное общество – это общество, еще не определившееся в социально-формационном и цивилизационном плане, оно еще не прошло точку исторической бифуркации и не определилось полностью с вектором своего развития, со стратегией организации общественных отношений. Для такого состояния социума характерно одновременное сосуществование и взаимодействие противоречащих друг другу элементов качественно разнородных социальных структур и институтов.

Как представляется, в современном российском социуме сосуществуют и взаимодействуют три основных типа социальных процессов: 1) досоветские, самодержавно-монархические; 2) советские, этатистские; 3) современные, либерально-рыночные.

Досоветские элементы социально-политической жизни проявляются сегодня прежде всего в социальной и политической культуре общества, в давних авторитарно-патерналистских традициях и менталитете населения. Сформировавшиеся издавна склонность к признанию и молчаливому согласию «верхов» и «низов» с практически неограниченным произволом власти (на всех уровнях), значительная ее персонализация, существенное бесправие индивида, сословное отчуждение от власти – все это постоянно воспроизводилось в советское время и транслируется до сих пор.

На этой социокультурной основе расцвел советский этатизм. Всевластие государства, безусловное доминирование государственно-политических интересов над частными гражданскими и экономическими интересами, максимальная концентрация и монополизация власти, номенклатурный принцип формирования правящей элиты – все это превратилось в прочные устои социальной жизни в России. Однако советские феномены выражаются уже не только в культуре населения, но и в организационных матрицах базовых социальных и политических институтов. Поэтому и сегодня, как и в советское время, власть сохраняет отчуждение от общества и сосредоточена преимущественно на собственных интересах и заботах. Как и ранее, все социальные противоречия и конфликты решаются в административно-принудительном порядке, а методы демократического консенсуса не задействуются или функционируют в «превращенном», формализованно-бюрократическом виде, несмотря на процессы «демократической самотрансформации» [9, с. 68–81].

Влияние современной эпохи выражается в формирующихся рыночных институтах и демократических процедурах. По идее, либерально-рыночные реформы должны были способствовать формированию гражданского общества с преобладанием горизонтальных социальных связей и правовыми механизмами регулирования общественных процессов. Такое общество предполагает функциональное отделение власти от собственности, принципиально иной тип государственности и рациональный (по М. Веберу) тип бюрократии. На практике российская специфика оценивается западными исследователями как «дуалистическая», сочетающая либеральные ло-

зунги и авторитарно-административные методы [10, р. 1–3, 29–30, 39–41, 353–365]. В действительности все эти нововведения функционируют формально, прикрывая на деле рецепцию не самых эффективных традиционных форм социальных и политических отношений и механизмов между властью и обществом [11, с. 71]. По этой причине методы манипулирования, применяемые властью по отношению к обществу, доминируют над процессами модернизации социально-политических процессов.

Более того, как подчеркивает В.А. Ачкасов, ведущим способом проведения политической модернизации в современной России выступает грандиозная «имитация». Создается лишь определенная медийная видимость вовлеченности социума в процессы реформирования, в то время как само общество ни по своей структуре, ни по доминирующим настроениям практически не готово к навязываемым сверху радикальным переменам. В итоге резкий символический разрыв с прошлым в России приводит к тому, что символика и форма подменяют реальное изменение содержания и не решают имеющихся проблем социума, подрывая его социальные связи и активность, разрушая коллективную идентичность [12, с. 84–85].

Длительное сосуществование и взаимодействие столь разнородных социальных и политических образований обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами. С одной стороны, Россия издавна развивается как общество догоняющего типа, что и определяет своеобразную фрагментарную, нецелостную структуру ее базовых институтов. С другой стороны, в силу действия ряда исторических причин российский социум развивается неравномерно и нелинейно. При этом его институты эволюционируют асинхронно и противоречиво, зачастую новое принимает форму старого, и наоборот. Кроме того, затянувшаяся череда российских реформ последних десятилетий разрушила системность социальных и политических отношений, но не уничтожила ее полностью. И определенная часть старых социальных структур инкорпорировалась в новые, причем произошло это неорганично и бессистемно [13, с. 233–240]. Нельзя забывать и об известной инерции исторического характера социального развития. Все это привело к длительному сосуществованию и переплетению разнородных и разнотипных социальных феноменов, препятствующих достижению согласия в обществе. Тем более что на практике демократия не устраняет существующие социальные противоречия, а «требует шаткое и хрупкое равновесие», скрывая множество линий напряженности [14, с. 19].

Такое сосуществование в принципе не может быть гармоничным. В эпоху глубоких формационных и цивилизационных сдвигов вся социальная структура страны становится крайне неустойчивой и рыхлой, малоспособной к своевременному и эффективному регулированию постоянно возникающих разнообразных социальных противоречий. Возникает не просто отдельный частный конфликт, а конфликтогенная социальная среда с непозволительно низким уровнем управленческой культуры, столь характерная для переходного состояния любого общества.

Для переходного состояния российского общества характерны существенные перемены нормативно-ценностной структуры социума. Как подчеркивает И.Е. Дискин, в ходе трансформации меняется актуальность тех или иных ценностей. Но при изменении ценностных приоритетов, ценностной конфигурации сдвигается и оценка различных институциональных компонентов, институтов, и в конечном итоге отношение к ходу модернизационного проекта [15, с. 49, 56–57].

В сложившихся условиях становится все более очевидным дисбаланс между моралью и политикой, отражающий качество российской правящей элиты, низкую социальную мобильность в политической сфере, клановую замкнутость, недостаточную компетентность руководителей всех звеньев, что порождает их негативную оценку со стороны общества. Моральные ограничители игнорируются ради статусных привилегий. Поэтому еще предстоит пройти длительный период для укрепления позиций морали и формирования адекватной нормативно-ценностной системы в российской политической жизни, чтобы факторы социальной саморегуляции на основе баланса интересов общества и элиты, ответственного поведения представителей власти способствовали эффективному смягчению возникающих противоречий и конфликтов. Как указывает К.Н. Костюк, «кто не несет ответственности, тот... оказывается вне этического отношения» [16, с. 34].

Потому, замечает О.В. Гаман-Голутвина, в современной России сфера жизнедеятельности общества, которая находится в поле моральной регуляции, существенно сужается за счет ограничения в использовании «частной» морали в политических отношениях. При всех очевидных издержках все же происходит формирование современной российской политической нравственности, а также отказ от неоправданно широкого применения в политике критериев «частной» морали. В результате массовое политическое сознание постепенно избавляется от излишнего морализаторства, становясь более прагматичным и эгоистичным. В этом процессе можно увидеть и положительную сторону, так как общество становится уже труднее обмануть разговорами о приоритете общечеловеческих ценностей [17, с. 24–26].

Кроме того, в России рубежа XX–XXI вв. наблюдается сочетание противоречий прежнего, авторитарного и внерыночного общества с конфликтогенностью формирующегося рыночного де-

мократического социума. В силу слабости и неустойчивости механизмов регулирования социальных отношений все имеющиеся противоречия в переходном обществе приобретают острую и конфликтную форму.

Переходное состояние современного российского общества проявляется прежде всего в таких конфликтогенных признаках, как:

- несогласованная и аритмичная работа социальных и политических институтов;
- очевидная слабость регулятивных и управленческих политических механизмов;
- возрастание социального неравенства и резкая поляризация в обществе;
- значительное повышение социальной напряженности и конфликтности общественных отношений;
- острые столкновения интересов социальных групп по поводу распределения государственной власти и влияния на нее;
- неустойчивость развития и диспропорции экономики;
- отсутствие единства социальных и политических субъектов по вопросам цели и стратегии развития страны.

Поэтому самым очевидным индикатором переходного состояния, на наш взгляд, является сохраняющийся высокий уровень конфликтности во всех подсистемах общества. Эта конфликтность вызвана в первую очередь слабостью и рассогласованностью деятельности социальных и политических институтов, масштабами произошедшего передела собственности, болезненным характером затянувшихся либерально-рыночных преобразований, маргинализацией значительной части населения, anomией нормативно-ценностной системы, существенным обновлением и имеющимся качеством правящей элиты, наличием существенного социального отчуждения между властью и индивидом [18, с. 45–47].

На значительный рост социально-политической напряженности в постсоветский период оказали заметное влияние некоторые особенности российской политической культуры, а также сам политический курс российского руководства, используемые методы и подходы к социальному регулированию. Ведь сегодня, как и раньше, большинство населения предрасположено к признанию приоритета силовых методов в разрешении конфликтных ситуаций. Очевидна невысокая заинтересованность и граждан, и властей в широком использовании консенсусных технологий. Столь низкий уровень политической культуры в стране реально препятствует утверждению подлинных демократических идеалов и ценностей. Это дополняется отсутствием конструктивного диалога власти и общества, противоречивыми действиями российской элиты, низким уровнем политической конкуренции [19, с. 226–227].

С другой стороны, российское политическое руководство еще в 1990-е гг., решая острые вопросы либерально-рыночного реформирования страны, слабо учитывало глубину и остроту сложившихся противоречий развития социума и происходящей трансформации. Все внимание было обращено исключительно на актуальные проблемы, как правило, тактического плана. Такая политика постоянного «латания дыр» не устраняла истоки и причины напряженности в обществе, а была ориентирована лишь на противодействие внешним проявлениям и преодоление последствий конфликтов. В результате разнообразные социальные противоречия накапливались и усложнялись, а технократические действия аппарата управления сами становились серьезным конфликтогенным фактором [20, с. 67–69]. Это со всей наглядностью показали 2000-е гг., когда длительное время шаг за шагом приходилось восстанавливать управляемость всей властной вертикали.

Подводя итог, следует отметить, что сформировавшиеся в российском социуме разнообразные конфликты во многом обусловлены переплетением и взаимодействием различных социальных противоречий, что особенно опасно в обстановке отсутствия у общества ясной и общепринятой стратегии развития, в условиях очевидной незавершенности и несбалансированности процессов реформирования. Кроме того, длительное и опасное сохранение широкой маргинализации населения и социальной поляризации имманентно воспроизводит почву для различных социальных и политических коллизий и потрясений. А явное стремление правящей элиты к обеспечению стабильности в таких условиях неспособно адсорбировать угрозы, так как глубинные причины конфликтности в российском обществе сохраняются и воспроизводятся вновь и вновь, что только пролонгирует незавершенность процесса реформирования и переходный характер состояния всего социума со всеми вытекающими отсюда возможными катастрофическими последствиями.

Все предлагавшиеся ранее меры по выходу из затянувшегося кризисного состояния российского социума слабо учитывают его природу и истоки, представляя собой преимущественно действия реактивного характера. К тому же эти меры практически игнорируют сложный комплексный характер современного кризиса и отдаленные последствия планируемых решений. Как правило, эти решения идут в рамках одной социально-цивилизационной модели: досоветской патерналистско-монархической, советской этатистской или современной либерально-рыночной. Однако такой подход чреват нарушением динамического равновесия социальных структур в условиях отсутствия компенсирующих и стабилизирующих механизмов.

Исходя из этого, меры по преодолению современного кризиса и конфликтогенных тенденций должны носить комплексный и сбалансированный характер, создавать предпосылки для преодоления переходного состояния российского социума.

В число таких мер, по нашему представлению, должны быть включены:

– разработка взаимосвязанных средне- и долгосрочной стратегий развития российского общества, ориентированных на сбалансированное и устойчивое преобразование сложившейся социально-экономической структуры и формирование полноценного эффективного социального государства;

– установление отвечающего реалиям современного российского общества равновесия между принципами частной инициативы и государственного вмешательства в экономику при формировании и реализации социально-экономического курса;

– приведение профессионально-интеллектуального уровня и социальной ответственности правящих элитных групп в соответствие с требованиями управления в условиях модернизации, формирования социального государства и перехода к более эффективной политической системе;

– качественное обновление основных политических институтов, содержания и методов их деятельности, выработка свода норм и принципов государственного и политического управления;

– сокращение чрезмерной социальной поляризации и маргинализации, чреватых катастрофическими последствиями, разработка долгосрочной стратегии взаимодействия ведущих социальных групп между собой;

– проведение комплексной модернизации общества, органично сочетающей социально-экономические, технико-технологические и социокультурные преобразования, на принципах народосбережения, разумной достаточности, социальной эффективности и справедливости;

– внедрение эффективных методик по взаимодействию государства и гражданского общества, практическое закрепление рычагов воздействия общества на органы власти в рамках формирующегося социального государства.

Реализация представленных мер в их целостности и взаимосвязи поможет преодолеть конфликтогенные тенденции в развитии российского общества и выйти из затянувшегося переходного состояния, занять достойное место в глобальном мире. Только так Россия сможет ответить на возникающие вызовы и реализовать свой бесспорный потенциал.

Ссылки:

1. Nelson L.D., Kuzes I.Y. *Radical Reform in Yeltsin's Russia: Political, Economic, and Social Dimensions*. Armonk, NY, 1995. 272 p.
2. Reddaway P., Gliński D. *The Tragedy of Russia's Reforms*. Washington, 2001. 768 p.
3. Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки / под ред. Ю.А. Красина. М., 2013. 139 с.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. 399 с.
5. Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса // *Общественные науки и современность*. 1993. № 1. С. 12–21; Гавров С.Н. *Модернизация России: постимперский транзит*: монография. М., 2010. 269 с.; Заславская Т.И. *Современное российское общество. Социальный механизм трансформации*: учеб. пособие. М., 2004. 400 с.; Шевцова Л.Ф. *Режим Бориса Ельцина*. М., 1999. 533 с.
6. Ахиезер А.С. Указ. соч. С. 12.
7. Заславская Т.И. Указ. соч. С. 88.
8. Гавров С.Н. Указ. соч. С. 266–267.
9. См. подробнее: Гавров С.Н. Указ. соч. С. 68–81.
10. Sakwa R. *The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession*. Cambridge (UK), 2010. 418 p.
11. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // *Политические исследования*. 2004. № 2. С. 64–75. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.07>.
12. Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Там же. 2001. № 3. С. 83–92.
13. См. подробнее: Баженов А.М., Мартынова Т.М. Некоторые особенности модернизации российского общества // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2011. № 3. С. 233–240.
14. *Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века* / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2010. 318 с.
15. Дискан И.Е. *Кризис... И все же модернизация!* М., 2009. 264 с.
16. Костюк К.Н. Политическая мораль и политическая этика в России // *Вопросы философии*. 2000. № 2. С. 32–42.
17. Гаман-Голутвина О.В. Соотношение политики и морали: российская версия // *Pro Nunc. Современные политические процессы*. 2005. Т. 3, № 1. С. 6–26.
18. Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие // *Политические исследования*. 2012. № 6. С. 41–54.
19. Рылкина А.П. Конкуренция и конфликт: их статус в политической культуре современного российского общества // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2010. № 19 (90), вып. 16. С. 224–230.
20. Иванова В.И., Княшева Ю.Б. Конструктивный потенциал политических конфликтов в современной России // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2015. Вып. 1. С. 66–72.

References:

- Achkasov, VA 2001, 'Russia as a crumbling traditional society', *Politicheskiye issledovaniya*, no. 3, pp. 83-92, (in Russian).
- Akhiezer, AS 1993, 'Russian liberalism in the face of crisis', *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 12-21, (in Russian).
- Bazhenov, AM & Martynova, TM 2011, 'Several features of the modernization of Russian society', *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, no. 3, pp. 233-240, (in Russian).
- Diskin, IE 2009, *Crisis ... And yet, modernization has happened!*, Moscow, 264 p., (in Russian).
- Durkheim, E 1994, *Suicide: a study in sociology*, Moscow, 399 p., (in Russian).
- Gaman-Golutvina, OV 2005, 'The relationship between politics and morality: the Russian version', *Pro Nunc. Sovremennyye politicheskiye protsessy*, vol. 3, no. 1, pp. 6-26, (in Russian).
- Gavrov, SN 2010, *Modernization of Russia: the post-imperial transition*, monograph, Moscow, pp. 68-81, 266-267, (in Russian).
- Inozemtsev, VL (ed.) *Democracy and modernization: the discussion on the challenges of the twenty-first century*, Moscow, 318 p., (in Russian).
- Ivanova, VI & Kinyasheva, YuB 2015, 'The constructive potential of political conflicts in modern Russia', *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, vol. 1, pp. 66-72, (in Russian).
- Kostyuk, KN 2000, 'Political morality and political ethics in Russia', *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 32-42, (in Russian).
- Krasin, YuA (ed.) 2013, *Alternatives to development. Russia between modernization and degradation. Political science essays*, Moscow, 139 p., (in Russian).
- Lapkin, VV 2012, 'Modernization and capitalism: reconsidering the modern development', *Politicheskiye issledovaniya*, no. 6, pp. 41-54, (in Russian).
- Melville, AYu 2004, 'On Trajectories of Post-Communist Transformations', *Polis. Political Studies*, no 2, pp. 64-75. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.07>.
- Nelson, LD & Kuzes, IY 1995, *Radical Reform in Yeltsin's Russia: Political, Economic, and Social Dimensions*, Armonk, NY, 272 p.
- Reddaway, P & Glinski, D 2001, *The Tragedy of Russia's Reforms*, Washington, 768 p.
- Rylkina, AP 2010, 'Competition and conflict: their status in the political culture of contemporary Russian society', *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, no. 19 (90), iss. 16, pp. 224-230, (in Russian).
- Sakwa, R 2010, *The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession*, Cambridge (UK), 418 p.
- Shevtsova, LF 1999, *The regime of Boris Yeltsin*, Moscow, 533 p., (in Russian).
- Zaslavskaya, TI 2004, *Contemporary Russian society. Social mechanism of transformation*, manual, Moscow, 400 p., (in Russian).